

нии не нова для русской социально-философской мысли. От Николая Сорского до Ивана Ильина проходит мысль об «умном делании» социальной реальности. Но в отличие от американских ученых, делающих упор на «повседневном знании» как конструктивном моменте «жизненного мира», в русской общественной мысли акцент делается на «умном», т.е. идеологически осмысленном, «делании» социального мира.

Обращаясь к социальному моделированию как методу познания, необходимо учитывать сложность социальных систем. Каждая из них, развиваясь в одном историческом времени, наследует и рекультивирует ценности и социальные технологии предшествующих эпох, даже отрицаемые ею. И, в свою очередь, каждая эпоха, даже не помышляя о том, определяет параметры и делает «заготовки» для последующего развития, далеко не всегда оптимальные и даже приемлемые для него, которые поэтому приходится ломать или откладывать «в запасники истории». В этой связи напомним замечание В.В.Налимова, что не следует рассчитывать на полную изоморфность познавательных моделей, скорее они являются «эскизным описанием диффузных (сложных, больших) систем». В больших системах, к каковым, бесспорно, следует отнести социальные и идеологические системы, нельзя установить непроницаемые перегородки, разграничивающие действие различных переменных обстоятельств. Здесь «необходимо учитывать действие очень многих разнородных факторов, задающих различные по своей природе, но тесно взаимодействующие друг с другом, процессы»³.

И, наконец, еще не маловажный момент: избрав в качестве предмета исследования модели социально-исторического развития в русской общественной мысли, мы вынуждены придерживаться как бы двойной логики — логики источников и логики современного социально-философского знания. Это значит, что выделенные нами познавательные

модели остаются открытыми и для последующих поисков и реинтерпретаций, тем более, что каждый новый подход не только *открывает* что-то ранее неизвестное в исследуемой им реальности, но и сам *вносит* в нее нечто свое, новое. При этом строя модель прошлого, современный человек на ее основе воссоздает «исправленный» проект настоящего и кроме того (на него всегда оказывает влияние «эхо будущего»).

Любое обращение к истории предполагает определенные временные границы. В частности, наше исследование мы ограничили второй половиной XIX началом XX века, потому что в это время русская общественная мысль сама поднялась до проективного моделирования. Но главное, в означенный период *завершился определенный цикл* русской истории, что позволяет реконструировать отобранные модели *с учетом знания их конца*. Это обстоятельство было принято за основу при отборе моделей развития России в качестве предмета исследования. Наконец, нами был учтен и принцип их репрезентативности с точки зрения модальности. Соответствующими этим принципам нам представились следующие три модели развития России, в той или иной мере «перезжитые» страной и выявившие свои исторические возможности и реальные альтернативы:

— *модель русского самодержавия* как вполне *реализовавшуюся* в социальной действительности, что позволяет определить ее конструктивные основания, динамику и пределы развития;

— *модель социалистической утопии*, к которой упорно обращалась русская общественная мысль в поисках социальной справедливости;

— *модель русского либерализма* как вероятная, но не реализовавшая себя *историческая альтернатива*.

Обращаясь к практике моделирования в русской общественной мысли, мы сознавали, что предлагаемые модели имеют обобщающе познавательный характер,

поэтому, с одной стороны, стремились как можно полнее представить исходные «проективные модели» русской общественной мысли, с другой (логически обосновать выстроенные нами модели, определить их сферу влияния на современную социально-философскую мысль и общественную практику.

В отличие от первичных проективных моделей, рассчитанных на внедрение в практику, выделенные нами модели имеют *познавательный* характер. Отметим, что создание вторичных, познавательных моделей социальной реальности требует не только тщательного «прочтения» текстов прошлого и их интерпретации в свете исторической реальности того времени, но и определенного *упрощения*, в частности путем определения параметров, по которым явно или имплицитно будет осуществляться и построение вторичных аналитически познавательных моделей.

В реконструкции означенных моделей развития мы исходили из следующих параметров:

- исторические, в том числе геополитические, предпосылки утверждения того или иного социального типа или упреждающих его конкурирующих моделей;
- государственный политический строй и его правовое основание, наличие альтернативных вариантов;
- социально-экономический строй, гражданское общество, их правовые гарантии;
- международный статус государства и сфера его геополитических интересов;
- обслуживающие или упреждающие их идеологии и сопутствующая им символическая культура;
- внешний и внутренний культурный и идеологический фон, оказывающий влияние на рекультурацию господствующей модели развития;
- и наконец, *обыденное сознание повседневности*, которое, подобно основанию айсберга, творит свою работу скрыто от глаз.

Данные параметры, повторяем, приняты нами во внимание при построении предложенных моделей развития России в контексте их исторического развития и в их отношении к современности. Еще раз согласимся с Бергером и Лукманом в том, что «знание об обществе является /.../ реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности»⁴.

Введение и заключение — *Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская*;
I раздел — *Л.И.Новикова*;
II раздел — *И.Н.Сиземская*
III раздел — *Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская*

I. САМОДЕРЖАВИЕ КАК МОДЕЛЬ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Исходные понятия моделирования самодержавия

Разработку социально-исторических моделей развития России естественно начинать с *МОНАРХИИ*. Самодержавие для России — это не только идеология или проективная модель, но историческая реальность, просуществовавшая (если исчислять ее с момента официального провозглашения монархии Иваном IV в 1547 г. и до отречения от престола последнего императора Всероссийского — 370 лет.

При построении модели самодержавия необходимо учитывать как конструктивные промежуточные модели, направленные на его самоопределение, совершенствование и легитимацию, так и обобщающе-теоретические, возникающие в переломные моменты ее развития, но, как правило, постфактум, когда система находится в состоянии предфинального кризиса или уже ушла в небытие. Для нас первостепенное значение представляют конструктивные модели. При этом мы учитывали как невербализованные, но четко заявленные в политике направления, так и вербализованные идеологические программы, рассчитанные на конструктивное воздействие на уже существующую социально-политическую систему. Свое начало они берут от поучений Иосифа Волоцкого, посланий старца Филофея и доходят до публицистических статей М.Н. Каткова, писем К.П. Победоносцева, записок С.Ю. Витте и проч. Наконец, существуют и обобщенно-теоретические модели самодержавия. К числу наиболее проработанных

моделей такого рода следует отнести исследования Льва Тихомирова и Ивана Ильина. В своих построениях они широко используют труды коллег и предшественников — юристов и историков, в том числе труды А.Д.Градовского, Н.М.Коркунова, С.М.Соловьева, Б.Н.Чичерина и др. Однако при этом необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, и Тихомиров, и Ильин были убежденными монархистами, что, несмотря на их стремление к объективности, определяло отбор материала и его концептуальное построение. Во-вторых, Тихомиров не знал и не предвидел конца самодержавия, а Ильин хотя и пережил, вопреки своим прогнозам, конец самодержавия, все еще не утратил надежд на его возможное возрождение. Отсюда теоретический оптимизм их построений. Задача, поставленная в настоящем исследовании, построение социально-философской модели российского самодержавия с опорой на его реальную историю, что позволяет выявить стадии и пределы его развития. При этом, естественно, автор опирался на обозначенные выше модели трех уровней социально-исторического развития России, а также на альтернативные модели ее вероятностного развития путем сличения и тех и других с исторической реальностью.

Для начала примем наименее идеологизированные правовые определения самодержавия классиков русской социально-правовой мысли Б.Н.Чичерина, Н.М.Коркунова, А.Д.Градовского. Для русской социально-правовой традиции характерно разграничение понятий *верховой власти* (Souverain) и *правительства*, или *управительной власти* (Gouvernement). Верховная власть — *едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, нерушима, безответственна, территориально везде присуща*⁵. Она есть *источник всякой государственной власти*. Правительство же в связи с необходимостью специализации предполагает разделение властей. Совокупность принадлежащих верховной власти прав есть полновластие, как внутрен-

нее, так и внешнее. Юридически она ничем не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы был высший судья, то ему бы и принадлежала верховная власть. Она — верховный судья всякого права... В наибольшей мере этим атрибутам верховной власти *соответствует именно монархия*. Отсюда вытекает и само определение монархии. Согласно Чичерину, «Чистая монархия есть образ правления, в котором верховная власть принадлежит одному монарху /.../. По самому существу этого правления монарх держит власть независимо от кого бы то ни было, не как уполномоченный, а по собственному праву. Поэтому он называется *самодержцем* /.../. Имея верховную власть, независимую от какой-либо человеческой воли, монарх тем самым считается получившим ее свыше, по божественному изволению. Это дает власти религиозное освящение, что выражается в титуле словами: «Божией милостью»⁶. Заметим здесь, что если для Чичерина божественное предопределение монархической власти есть условной прием, на котором он практически не останавливается, то для Тихомирова и Ильина оно является безусловным основанием легитимности самодержавия, связывающим монарха с единоверными подданными.

Другой юрист, Н.М.Коркунов, уточняет определение самодержавия, исходя из закона. Государственное устройство Российской империи, пишет он, определяется двумя статьями Основных законов: 1 и 47. Ст. 1 характеризует свойства власти, принадлежащей монарху. «Император Российский есть монарх *самодержавный и неограниченный*. — Повиноваться *верховой* Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Тут указаны три свойства самодержавной власти, разъясняет маститый ученый: «верховность, самодержавие, неограниченность». Обозначение власти монарха как верховной показывает, что ему принадлежит высшая *безответственная власть* в государстве. *Самодержавие и*

неограниченность утверждают, что вся полнота власти сосредоточена в руках монарха. К этому следовало бы прибавить и четвертый аргумент, который ученый-либерал обошел своим вниманием. Мы имеем в виду основание легитимности власти монарха, которая зиждется в *воле Бога*. Это дополнение весьма существенно для понимания базисных идеологических основ русского самодержавия. И мы увидим далее как русские самодержцы в самые трудные периоды истории государства Российского, когда уже никакие иные доводы не действовали, обращались к этому аргументу.

Но вернемся к тексту закона, обозначенного Коркуновым: «Ст. 47 указывает, что осуществление самодержавной власти русского царя совершается на началах *законности*. Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной Власти исходящих». Ученый так разъясняет соответствующую статью закона: «...самодержавием существующее у нас государственное устройство отличается от *монархии ограниченной, законности* — от *деспотии*, где место закона заступает ничем не сдерживаемый личный произвол правителя»⁷ (выделено мною. — Л.Н.). Однако по поводу данного определения можно возразить. Во-первых, самодержавие российского государственного устройства сложилось далеко не сразу, оно берет свое начало отчасти от Ивана III и набирает силу при Иване IV. Но именно при нем оно приобретает явные черты деспотизма, который в большей или меньшей степени сопутствует ему на всем его протяжении. А во-вторых, после отмены крепостного права, с образованием земств и борьбой за конституционализм, принцип *неограниченной самодержавности* был поставлен под сомнение. И именно упорное непонимание этого критического момента привело Российскую империю к неминуемой гибели.

Поставив перед собой задачу сконструировать социально-философскую модель *РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ*, обозначим параметры, по которым она будет строиться. Самодержавие есть политическая система, поэтому, естественно, нами должен быть выделен *политический параметр* и отслежено его историческое конструирование, или *делание*. При этом мы должны исходить из того, что «существует процесс *самовоспроизводства* власти, имеющий свою логику, свои замыслы» (выделено мною. — Л.Н.)⁸.

В отличие от республиканских форм правления, в известной мере обособленных от гражданского общества, самодержавие тесно увязано с социально-экономическим строем, что определяет сложность выделения собственно *социального параметра*. И хотя самодержавие исторически возникло при рабовладельческом строе, наиболее адекватным ему является *сословный строй*. По определению А.Д. Градовского, «под именем *сословий* разумеются отдельные группы подданных, между которыми сам закон установил наследственные преимущественные различия в правах и обязанностях. Следовательно, сословия по самой своей природе являются учреждением *государственными*»⁹. Этим они отличаются от каст и от классов. Таким образом, считает ученый, сословия, во-первых, непосредственно связаны с государством, обслуживают его. А во-вторых, сословия дифференцированы по своим функциям, которые наследственно закреплены за ними и иерархизированы по отношению друг к другу и государству. Эту иерархическую пирамиду венчает самодержец. На поверхности эта система вуалируется патримониальными отношениями. Отсюда наиболее распространенными в просторечье наименованиями царя являются «*Отец*», «*Батюшка*» и т.п.

Монархический строй имеет геополитическое и этническое основание. Так, по мнению Тихомирова и Ильина, опирающихся на теорию Руссо, республиканс-

кая форма правления легко утверждается в малых государствах с высокой плотностью и однородным этническим или культурным составом населения. В отличие от этого для государств, раскинувшихся на обширных неравномерно заселенных территориях, где наряду с господствующим этносом, а зачастую и вперемешку с ним, сосуществуют народы, принадлежащие к иным этническим корням и к иным религиозно-культурным типам, что, в частности, характерно для России, наиболее адекватной является монархическая власть. Мысль о влиянии окружающей среды на социально-политический строй общества не лишена основания, хотя в трудах названных авторов она и трактуется весьма тенденциозно. Она нашла отражение и развитие в енвайронталистском направлении социальной философии. В русской исторической и социально-философской мысли его развивали историки С.М.Соловьев, П.Н.Миллюков, позже — евразийцы, в частности Г.В.Вернадский. Миллюков в «Очерках по истории русской культуры» в специальной главе отмечает, что месторазвитие русской культуры объединяет по крайней мере три-четыре самостоятельные и законченные культуры разного характера, не говоря о культурах незавершенных. «Эти культуры предполагают столько же различных месторазвитий. Соединить их в одно целое можно было лишь в порядке государственного слияния» (выделено мною. — Л.Н.)¹⁰. Отсюда этатизм, свойственный русской общественной мысли. Он становится одним из сильнейших аргументов идеологов и активных деятелей имперского самодержавия, сторонников «Великой России». Евразийцы усугубили эти идеи. В отличие от Миллюкова, идущего от прошлого к настоящему, евразийцы современное состояние России — Евразии рассматривают как интенцию и цель ее исторического развития. «История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазви-